

П О Э З И Я

Борис Пузыно

ИЗ ЦИКЛА: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день"

Наше село

Наше село

серое: и по средам, когда тут сеют,
и потом, при жизни-отсеве,
и после - и при смерти будто бы, и при везеньи...
И по воскресеньям, когда минут сено.

И по субботам, когда молотят,
и по пятницам, когда танцы,
и по четвергам, когда войны,
и по вторникам, когда двойни,
и по понедельникам, когда слякоть.

Всё у нас серо - : серое наше село;
серое счастье-в-небе, серое добро-зло,
и остальное всё - что не носили либо носили,
либр ростили, насиливали; свезли: уж темно,
а вывезли засветло...

купцу поднесли, да и уснул он, товару много, дары да кости,
дворов-полно, кобыла сдохла, да пал извозчик - да ничего -
звона сколь всего:

серая земля, земляные люди,
сивый свет - долгое ремесло,
пустой кисет расписаное курево,
цветное дерево, осиновый кол;
зрячный дождь, всегдашняя мудрость,
серая ворона багряно перо -
чем стояло и стоять будет наше село.

ДЕТСТВО

Хорошо горами ходить, птиц кольцевать;
хорошо полем идти, борозду смотреть;
хорошо книги писать, шиши получать;
хорошо ночью сидеть, трубку курить;
хорошо у огня сидеть, водку пить,
помнить разно, слушать ветер,
думать, колени греть, сушить сети;
вспоминать о месте, откуда все мы —
о времени, когда тебе семь /да и будет ли ещё семь-то?/
и где местность учит растениям,
а растения учат беседе и месту этому,
/а местность так неисследована.../
и соседи еще — соседи, соседи еще...,

и дорога детства еще не засеяна —
ни льном, ни стеклом, свободна повсюду;
и можно идти ей до самых сумерек
или — как, верно, и следует —
не до самых сумерек...

И можно идти ей до судорог,
а можно — и не до судорог
/как, верно, и следует/,
не следует лишь подумывать,
что она не засеяна еще —

— ни овсом, ни битой посудой,
а идет себе, как и прежде, когда ты ее и придумал
в судорогах-твоих-сумерках-просветлениях-на-досуге
/а досуга-то — не было, вовсе и не было никакого досуга.../;
а она всё ведет тебя, следом, всюду,
всё идет себе мимо хлева, вдоль амбара, прочего чуда,
через лес да на север, либо лугами к югу...
от села Отседова до села Сюдова.

Хе-хе, стихи /2/-фрагмент немазохистского
самодопроса

"...коробки с ваксой попадают
в ловушку..."

Пикассо "10 стихотворений".

- Ты становишься поэтом, приятель:
исполать тебе им становиться -
пусть земля тебе будет пухом,
позабудет, что была тебе плугом
и всеми благами с хреном
и просто твоей привычкой -
только грустно видеть, как язвой
прирастает к тебе этот лейбл,
эта гнусная позорная кличка:
ты делаешься поэтом, приятель,
ты делаешься системным парнем,
: ты делаешься добычей.

Ты делаешь себе клетку
в общей системе клеток
здесьшнего зоопарка:
ты делаешься поэтом -
это престижная клетка;
ты ловко подметил;
здраво рассчитал;
всё как следует;
хорошая хватка.

Это уже финиш, брат Брут,
и я мог бы ударить -
да нуждаешься ли ты в уступках?
Ты уже не нуждаешься в таких услугах...

- Видишь ли, друг мой, ты заблуждаешься
: ибо ты друг мой.

• • • •

Я слышу: "хрен тебе с коромыслом
будет от любимой отчизны,
и вспухнет твой труп к утру,
и жнец твой засядет пить,
а сеятель станет гнить,
и рыбак твой утопит права,
и дурак твой подъест улов."

...Но я здесь родился,
живу здесь,
здесь, по всей видимости, и помру.

Возможно, по-ихнему либо по-вашему это и называется "любить"...,
а по мне так это называется "быть", и достаточно, стало быть,
хотя и то и другое - только слова
на языке слов.

И если мы увидим:

собственные похороны,
большие деревья
: попросту любимые сны -
то не увидим города,
не увидим деревни,
не увидим страны;

Но если мы увидим бардак и мать твою
вместо партии и народа,
и увидим кошмары якобы, и увидим сны -
то не увидим кадмия,
не увидим хрома,
и не увидим страны.

Хорошо говорить это, когда мало народу и все свои.
Ещё лучше - ежели много народа и все свои,
но так не бывает... - а все свои...
и так же любят быструю езду и медленную ходьбу
/и столь же быструю езду, сколь медленную ходьбу/
и быт свой как хлеб и привычку винить в них
перезапроданную свою судьбу
и проклинать свою обетованную страну.

мы изучаем тебя ладонями и ступнями;
всё едим твою репу,
да пишем твой лик,
да щи разводим,
да ждем с тебя новостей... —
а ты нас изучаешь гвоздями,
и мы уходим, как листья неба,
в корни земли,
работать травой либо перегноем,
растить детей:
философов от проституции,
гетер от литературы,
братьев по крови
и братьев от слова "брать";
маоцзедунов твоей революции,
баффалобиллов твоей культуры,
прокрустов ~~шнур~~ твоей Истории, —
исполать...

Ничего, что слепой слеп.
Не беда, коли глухой глух
и молот говорит "серп",
а серп не говорит "дух";
плохо, если глухой слеп,
беда — когда слепой глух
и хлеб их — не грех и посев,
а шелуха шелух.

Ничего что слепой слеп.
Жаль, что слепой и глух.

Это произносится в лето от ненависти, в век
забвения, в неделю продажи и день добра;
а потом обычно собираются вещи, можно курить...

Помяни меня на пути до положенного костра.
Извини, но мне не хочется тебя убить.

Это еще не мои слова,
это еще не твои слова:
это еще слова.

Природа живет продолжениями своей работы:
трава умирает вовремя, живя травой полигона,
и умирает вовремя, живя поебень-травою -
 сорною ли травою,
 казенnoй ли травою,
 собственною ли своей травою -
-а утопающему свойственно одно предпочитать другому,
в предпочтении своем теряя собственную свою свободу -
как и уходя из дома в тюрьму выбираемой себе формы,
 обменивать свою же свободу
на древнее настроение, зависящее от погоды -
где дождь падает на подставленные ему же ладони,
и лес наполняет сделанные из леса вагоны,
и бес соблазняет им же придуманную мадонну...

... уходящий от правды обретает правдоподобие,
покидающий правдоподобие - обретает агонию,
помирающий вовремя переживает свой возраст;
перемирающий при свободе да не заметит гармонии -
 собственной ли,
 не собственной ли,
:какой-либо свободы своей,
 не ведающий свободы своей.

Не твоей - своей.

Колыбельная жизни

Спи, моя маленькая сухая трава -
 - бренная земля на Большой Тоске,
 дом колыбели моей и веры моей.
Спи, Сан-Педро - маленький ленинград, бренное чудо на островах.
Спи, маленькая москва - бренная земля на москве-реке,
белая на своем, бурая на ее языке, буром ее языке.
Спи, маленькая ~~и~~ плохая земля родителей и сыновей,
праведных и неправедных сыновей,
равных и в дураках.

Спи, вымирающий да не помирающий никак всё мой прах.

Спи, древняя маленькая Мария, бренная колея на моей руке.

Отец

Включил телевизор - а света нет.
Приходит электрик - а света нет.
Тебе уже полсотни - а света нет, нет.

Вот тебе сети, вот тебе невода,
вот река - все это помогает от нервов.
Вот те хвост, а вот чешуя,

вот "нет" тебе, а вот тебе "да";
вот фотография деда и дерева:
на коленях - я.

Ты говоришь на языке "а", а я - на языке "б"; а языку "в" тебя не учили:
на "а" ты предал другие, не ведая их - мне очень жаль, Понтий,
но ничего - я так и не сделал карьеры...

... трудно мириться с тем, чему не учили...
Но у заводи ловится не хуже, чем в Иордане, и почти так же,
как на протоке -
это очень хорошо помогает от нервов.

Медитация тебе чужда.
Молиться ты не умеешь.
Плакать отвык.
Радоваться нечему.
Пожилой труженик -
довольно обычная/ вещь.
Молоток да четыре гвоздя, как и разбито корыто -
тоже обычные вещи,
совсем обычные вещи,

как и то, что в речке можно поймать язя,
либо подлещика,
либо ил,

либо отчаяние, но молоток и гвозди всегда тебя выручали и вы-
ручают;

и ты расправляешь плечи,
чтобы пожать плечами...

... пора бы забыть обо всех "нельзя"...

... но этому не учили...

: вот ты и пожимаешь плечами.

... Карась идет к окуню,
окуния тянет к чуду -
поди ж ты, эвона какие ответы:
что - прок
да зачем мы люди,
да что нам за это.

Вот и тебе повезло, вот и тебе место;
вот и ты становишься сам себе психиатром,
но твои реплики - "не убий" /свиньи моего самообмана/"
и "не укради /йоты моего страха/" -
/так, наверно, и разговаривают с душевнобольными/
- : и ответов-то много, но отвечать - нечего...,

слишком назло натянута твоя леса,
слишком тяжело ты вздыхаешь, возвращаясь обратно,
слишком редко тебе выпадало "хлеб, табак, молоко, сахар",
слишком многими ответами тебя примут
там, куда и течет речка - на небе, конечно.

Плохое да сохранит доброе.
Икра да прокормит род свой.
Харон да поймет народ свой.

Из цикла: "На черном поле никогда не вырастут белые цветы;
но на другом они не были бы видны..."

Пейзаж /обращение/

, дом в лесу - я не лес твой
, дождь во сне, я не сон твой
, град в саду, я не сад твой
, шум в гостях, я не гость твой

, дом сгорит - я сгорю с ним
, дождь придет, я приду с ним
, сад уснет, я усну с ним
, шум умрет, я умру с ним

Равновесие

Если рабу на роду написано быть рабом,
то и в гробу он пребудет своим рабом;
а если на лбу у него написано "Мирабо"
— то и в гробу он будет рабом Мирабо.

Реплики прогоревшего фарцовщика в конце Кали Юги /пустынька это понравится Кривулину/

- У меня только плохая косметика,
разное барахло для кончины века,
добрый хлам для доброго человека, худой - для говна,
ну и еще плохая-плохая поэтика -
для тех, кто Он и Она.

• • • •

белая вода течет на небо
знаем знаем эти буддийские песенки
соломенный рот полный дождя

Ревилем

"Суламифъ" произнес песок и затих
осёл и усох
подсолнух и закричала птица

"мне" это было мнение
царя и кобылу
как зря
седлали и заплетали гриву

"мать?" промолчала златая кровать
дворца и состарился
царь
и устал могильщик

"Нет, никто" произнёс песок и издох
осёл и расцвёл
подсолнух и замолчала птица.

Твое место

Предположим, что ты — Гитлер,
а я — Сталин.
В таком случае сын наш — Сомоса,
а внук — Пол Пот.

Предположим, ты — Будда,
а я Чайтанья,
Тогда сын наш — Кропоткин,
внук — Колтрейн.

Допустим, что я бухгалтер,
ты продавщица,
наш сын садовник,
наш внук звонарь;
но это байка для олухов вроде меня,
потому что ты гитлергитлер,
о да, герроберст,
так точно, капрал.

Обычно птичка из какой-либо страны света,
попавши сюда, то есть в страну мрака,
расскажет на выбор несколько сказок,
очень похожих друг на друга, к примеру:
скрипка и флейта
разговаривали о проблемах секса,
точнее — гомосексуализма,
ещё точнее — теории музыки.

Два описания одного процесса

а/ Когда мы засыпали, мы были братьями; когда мы проснулись,
мы были днем и ночью.

: как невелик необходимый опыт

б/ Когда мы засыпали, мы были братьями; когда мы проснулись,
мы были как сон и явь.

Из цикла: ИНТОНАЦИИ

Спиричуэл

...прими, прими простоту посева
с многообразием ремесла,
лезвие страсти с праздником тела,
сказку сатира и песнь козла.

кн. 3

...Приговори простоту веселья
к необъяснимости весельчака,
обрати красоту беседы в мечту о зелье,
скрой от зелья, где радость его, где тоска;
подари этой кроне неба корни песка.

Прими уродство за нежность, и прими их удачу и преступление,
горечь одного и горячку ста,
благородную дрожь и благородную лень,
золотой перст и одиночество золотого перста.

Резоны

Я был, как буду и есть.
Я есть, как буду и был.
Я буду, как был и есть.

Кн.3

... будет кадмий,
Будет крон.
Не хватит дроби, так будет дронт.
Будет сё, не хватит на то.
Будет облако, след его и уход ^{x)}
Будет скверный поэт и чернь, равно как смерть его и — народ...
Будет барин, будет слуга ^{xx)}

Будут сеять; будут жать;
прищениваться и рожать;
медвежата сожрут всех жаб
в день охоты на медвежат,

Но охота пройдет, сама;
с дремотою же придет и зима —
ко всем: кто был нем, был мил,
пел в Сан-Ремо, гнил в Сен-Реми.

будет опиум — сыщется и народ;
нищий голодного не поймет;
будет любовь — сыщется и ее герой
и столь же пышный ее покров,
сколь голый ее король...,
и что-то еще,
что ясно, как пить дано,
а то, что не пить дано —
краска, а не вино.
А то, что со мною давно —
лишь со мною давно ...

x) как, верно, и следует — в сенат и сенод...

xx) /: судьба жареного судака/
отраженье дождя в дожде,
служенье яда воде.

Возраст

"..... без любви
отличишь ли "селяви" от семьи?..."

Кн.8

Мне под восемьдесят, у меня за плечами
моя осень со всеми ее печалями –
время года, покрывшее прошлое, словно праздник и как усталость;
и идя из дома как в дом – можно спешить, а можно и не спешить;
свобода. И многое уже неважно сейчас –
когда жить уже – так не страшно; давно уже как не страшно
жить.

, не в чем каяться: ни к чему считать, кому что досталось,
ибо доставшееся – просто места, недоставшееся же – пространство
а оставшееся мне – малость: познание той, что проста-проста –
как все таинства, как "утрачиваться – это такая мечта"
и как "старость – это такая радость".

Мне за сорок, у меня за плечами –
бездобрища, торговля подержанными вещами,
среднего размаха задолжность, две или три семьи,
похороны матери и отца заодно со всеми мечтами,
хлопоты со своими и не своими детьми;
долгие уже ночи, долгие еще дни.

Мне за двадцать, у меня за плечами –
черный ящик с золотыми ключами,
разными ключами:
от женщин и злоключений всех, от речей
об одиночестве и отчаянии, от добрых ночных,
от чертова творчества, роющего как червь
и от простых вещей, просто простых вещей. И еще у меня за пле-
чами
то, что под восемьдесят мне, как и теперь.

Мне тот срок от зачатия,
что, верно, и означает начало Истории этой части /мне – час^X/
мой шанс – ее Ватерлоо,

у меня за плечами –
только крыло, крыло

x) или чуть больше

КОНЕЦ А /скорее короткий, конечно же/

Конец Б

Не будет тебе кулуаров.
Не будет тебе будуаров.
Не будет тебе мемуаров.
Не будет тебе гонораров.

Ни легкости, ни иного занятия—
лишь плохо понятое проклятье.
Ни радости, ни паренья —
лишь старость и вдохновенье.

...и будут "всё одно да и только",
которые вроде долга

, и будет так: долго-долго

. Может быть, очень долго

говорят, что он писатель
что основ он потрясатель
что он камешков бросатель
и бросанья порицатель

а сегодня будет ветер
и погода будет теплой,
и польются двери с петель

говорят — и ОН писатель
и пальто его на вате

будет оттепель и окна

...Есть, правда, и третий конец — "будет кадмий, будет хром и т.д." /кн.3/, но это — скорее о живописи и потому относится скорее к предыдущей главе.

Определенного конца у этой истории нет, как видно. Честный автор может пожелать /или предложить/ своему персонажу /или своей честности/ в конечном счете только одно:

Окончи свой труд к утру
И выброси свой хлам с утра.
Правда, колодки трут...
но утки уже в пруду ^{x)}

Будет и коньяк, и икра
/коньяк-то в самый раз под икру/;
и будет парад с утра

. И вспухнет твой труп к утру.

^{x)} верно, и нам пора

Из истории русского арта

"Белеет....."

Лермонтов

".....зря ищешь мне вины:
я так привык; мне легче местным быть
Энеем,
чем Митрофаном из совсем чужой страны."

Воображаемый поэт XIX века

В остальном эта история почти не отличается от предыдущей или последующей, разве что из-за национальных особенностей ее нельзя показать целиком, как те.

История рассуждения об авторстве и
подлинном смысле какого-либо из кабацких диалогов,
вроде:

" - Если бы он не /поднял это до уровня-де своего сознания/,
- то он и не /опустил бы этого до уровня своего сознания^{х)}/".

/кажется, кн.6/

х) всегда есть другая модель такого разговора, например, такая:

ВОПРОСЫ: Кто ты?
и
Чья ты шлюха?

ОТВЕТЫ: святая.
Святых, /кн.7/

Но для названия этой истории она все же не годится.

История болезни

... Следуя истинному смыслу винопития, наполнив стакан, всегда чуть помедлишь с тем, чтобы принять его, зная наперед, что, выпив, уже по-другому будешь отличать миг истины от двух фальши, даже, если пьешь умело, и, наблюдая какой-нибудь не столько же осенний, сколько летний еще лист, падающий будто с неба в течение проходящего по мере его падения мига, поймаешь себя порой и на том, что эти нити, сходящиеся между едва соприкасающимися большим и указательным пальцами — временами струны, иногда — паутина, порою же — прозрачные волокна вселенной... впрочем, лира, упоминающаяся здесь в некоторых местах — инструмент воображаемый, хотя и музыкальный тоже. Ее можно заметить и не заметить, как можно замечать или не замечать и самого тона. "Лира" и тон — не одно и то же. Они находятся примерно в том же отношении, что и два полотна разных художников /обычно почти современников/, на первом из которых весь талант уходит на правдоподобие, на втором же — они не мешают друг другу: все равно как осенний дождь и вечерний звон... — хотя есть, конечно же, и другие сюжеты — золотое руно, к примеру. Иногда, думая о другом, утешаешься тем, что было на самом деле.^{x)} Ну, и так далее. Однажды, когда у меня участились были головные боли, я попросил одного знакомого просвещенного йога присоветовать мне что-нибудь от этой напасти. Он сказал, что из простых средств есть одно и впрямь как будто хорошее — нужно представить себе утренний свет, льющийся с неба, и поработать с этим образом. Место, с которым это связано, должно быть, по-возможности, чистым, а погода там — ясной. Лучше всего лес, сказал он, солнечное утро в лесу, и пусть это будет лето — летом светает раньше, солнце ближе к Земле. Я последовал совету и, когда снова занемог, то без труда представил себе раннее летнее утро в лесу, и представил себя там и солнечный свет, льющийся с неба. Поначалу я будто даже и не приметил фальши, и лишь несколькими секундами позже, когда мне полегчало, я стал чувствовать себя счастливым идиотом и вместе с тем ощущать растущую с каждым мигом фальш. Сначала я подумал, что это как всегда от безвкусицы происходящего, но это оказалось не так или не совсем так. Свет лился с неба, как, верно, и полагается

^{x)} случается и по-иному.

ясным утром в лесу утром, и никакого моветона тут вроде и не было, но ощущение откровенной неправды этой ситуации не покидало и раздражало меня. Вдруг я наконец, понял, что все это оттого лишь, что это просто не искусство... -: в том все и дело, и теперь-то уж это стало яснее ясного, как и прежде, в старые времена и в добром здравии. Я заметил, что в этом своем понимании я снова стал болен и как всегда одинок, и еще я отметил, что теперь хотя никто и не поможет мне исцелить недуги, но зато никто и не помешает мне распорядиться попавшимся образом по моему усмотрению, исправив оттенки и направления, проще говоря, поставив все на свои места. Лес изменился не слишком сильно - он был теперь несколько очеловечен, или "окультурен", быть может, а может статься, загажен - я хочу сказать лишь, что он стал более похож на парк. В нем появились земляные дорожки и неявные элементы композиции, касавшиеся, впрочем, скорее состояния души и погоды. Утро оставалось по-прежнему ясным, но не летним уже, а осенним, и чувствовалось, что день-то будет облачный; а листья еще не упали, потому что осень пришла достаточно быстро, как, верно, и следует ей приходить, если цель такого ее прихода - вызвать ностальгию, само собою. Стоя на сухой еще земляной дорожке в этом лесу, среди редких листьев, успевших упасть, я наблюдал мне одному лишь знакомые оттенки освещения на той едва видной грани, различимой не чуть даже, а лишь чуть - между ясным утром, за которым последует ясный день, и ясным утром, за которым последует день ненастный. Еще я видел несколько своих знакомых в такую погоду, все они были печальны и ждали от меня чего-то, и я стал вспоминать, где и в какую пору я наблюдал каждого из них в такое утро и при такой погоде. Это, пожалуй, и было самым интересным, и пока я все это видел, печаль их была со мной. К этому можно ничего и не добавлять, больше ничего не произошло, все главное уже случилось, это ведь только после осеннее утро сменилось осенним днем, как и обычно, в былое время да в добром здравии.

.....

В лодке

тихая лодка
джняна-плава
зеленые весла
добрые доски

вода в реке –
зеленая бездна
с мириадами
точек света

вот и вечер –
пора раздумий
слияния
с текучей водой
(, видишь ли –
не видно даже деревьев
как по ту
так и по эту
сторону тени).

тихая лодка
серая капля
добрый друг
качающаяся опора

(если вечер – то нас не видно
если день – то видно сквозь нас и дальше
повсюду.)

...вода в реке
казалась бы белой,
да только и так она белее
себя самой

Перевези меня на тот берег.
